
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Валентин Киреев
(г. Новомосковск)

ДОБЫТЧИКИ

Лауреат и дипломант нескольких Тульских областных конкурсов и фестивалей, автор 12 книг стихов, лауреат премии им. Ярослава Смелякова, отмечен многочисленными почетными грамотами администраций городов Тулы, Новомосковска, Богородицка, благодарностями Тульской областной Думы и министра культуры и массовых коммуникаций, почетной грамотой губернатора Тульской области В.Д. Дудки. Награжден золотой медалью «Во имя жизни на земле» Международного благотворительного фонда «Добрые люди мира», является почетным гражданином Богородицкого района Тульской области.

ДОБЫТЧИКИ

Я трогал санки, да не санки — сани,
В них уголь был — до десяти пудов!
Мы над веревкой грудью нависали,
Нам было по четырнадцать годов.

Нам только б стронуть, а потом до дома
Тащи три километра, пуп сорви —
Ведь через поле — ни души знакомой,
Помочь никто не сможет, хоть реви.

Мои друзья, и старше, и моложе,
Ловили уголь с вагонеток тоже,
Чумазые и в угольной пыли,
Потом впрягались в санки и везли.

От памяти мне никуда не деться,
И часто ночью в непроглядной мгле
Я вспоминаю трудовое детство
И мне живется легче на земле.

ПО ПРАВУ

Был тогда с тобой по праву я,
Вечер тот забыть нельзя
И глаза твои лукавые,
Сумасшедшие глаза!

Было мне тобой обещано
Ласки столько, что не счесть,
Неземное счастье — женщина,
Не в небесной сини — здесь.

Встретилась по воле случая,
Бровью черной повела...
Все, что есть на свете лучшего,
Ты мне, светлая, дала!

ПРОСТИТЕ

Простите, за безмолвие простите —
Такая безысходность на душе!
Но Вы, хотя бы, мимо проходите,
Без Вас бездомно мне и вообще...

Я осенью не говорю стихами,
Меня пора промозглая гнетет,
И все-таки, при каждой встрече с Вами,
Я верю — что-то вдруг произойдет.

Вдруг станет небо голубым и чистым,
Вернется в кроны павшая листва
И взгляд Ваш, удивительно лучистый,
Вернет мне в сердце нужные слова.

И я вернусь к закатам и рассветам
Призванию, не прихоти, служить
И стану тем лирическим поэтом,
Которым только и умею жить...

СТРАДАНИЯ

Страдают все: кто за любовь и веру,
Кто за мечту — встречали чудаков,
А кто, причем всерьез — из-за карьеры,
А чаще — просто из-за пустяков.

Но есть страданья ярче и весомей,
На первый взгляд природа их странна —

Когда порядок у соседа в доме
И сын — студент, и умница жена.

И дочь его послушна и пригожа,
И сам с улыбкой по утрам встает...
Ах, как страдальцу искажает рожу
Чужое, в общем мирное, житье.

И каждый день его проходит в муках
Таких, что сам страдалец и не ждал,
И он бы дал на отсечение руку,
Чтоб и сосед, хоть чуточку страдал.

Я не хочу указывать на лица,
Но почему измученный народ,
И сам страдалец, чуть прижмет, стремится
Соседу бросить камень в огород.

ГРЕХ

Мы построили жизнь для корысти своей и утех,
Совесть втиснули в рамки, откуда ей выхода нет,
И шагает по миру всеобщей содомии грех,
Все слабей и неправедней душ человеческих свет.

Оглянись на себя мой, плетущийся к пропасти, брат,
Ужаснись за оставленный мной и тобой разрушительный след,
Сколько мы поломали к гибели общей преград,
И за это за все нам с тобою прощенья нет.

Видишь, падают птицы с охваченных зноем небес,
Слышишь, воет в тайге для забавы подстреленный зверь,
Посмотри, как пылает не нами посаженный лес,
И в причастность мою и твою к этим бедам поверь.

Помолись, как и я, и давай, засучив рукава,
Очищать нашу землю, сажать вдоль дорог тополя
И еще находить очень нужные людям слова,
Чтобы души откликнулись и возродилась земля.

МЕСТНЫМ ПОЭТАМ

Ну, как вы живы, местные поэты?
Еще горят в глазах у вас огни?
Еще, порой, печатают газеты?
Еще за рифмой водочки — ни-ни?

Еще вас бьет ночами лихорадка —
Бросает то в полымя, то в озноб?..
Но как же это истязанье сладко —
То оживляет, то вгоняет в гроб...

Живите, други, есть еще на свете
У каждого бумага и перо,
А главное, что вы еще, как дети.
В жестоком мире верите в добро.

Что видите, как налилась пшеница,
Что слышите, как падает листва,
Что, как всегда, способные влюбиться,
Находите красивые слова.

Что из того, что не летят по свету
Творений ваших птицы всех пород,
Вы — истинно народные поэты,
Вы многолики, имя вам — народ!

КАК В ТЕРЕМУ

Я на руки тебя возьму
И унесу в лесную чащу,
Где бродит леший настоящий,
Где в шалаше, как в терему.

Где все, как в сказке, из мечты
Вдруг превращается в сегодня,
Где счастье бьет ключом, и ты
От всех условностей свободней.

Я в полутьме зажгу свечу,
Поправлю лапник для постели
И каждый шрамик залечу
На сердце на твоём и теле...

РОДИНА

Такой мне запомнилась родина:
Сиреневый куст у плетня,
В бидончике горкой смородина,
На лавке у дома родня.

И пес, головою лобастою
В колени уткнувшийся мне,
И стол с деревенскими яствами,
И снимков рядок на стене...

ЭТО Я И ТЫ...

В каждом переулочке и на каждой улице
Узнаю я в женщинах милые черты —
Вот стоит красавица и на солнце щурится,
Небу улыбается, вижу — это ты!

Понимаю разумом — это сходство мнимое,
Только сердце вешее думой не унять,
Все, что есть прекрасного — ты, моя любимая,
Потому планету я всю готов обнять.

Слышишь, дождик ласковый прошуршал над рощицей,
И опять от солнышка — несказанный свет,
Облачко всплакнувшее на ветру полощется,
И опять улыбками город мой согрет.

Пробегу по лужам я, не снимая обуви
И куплю чудесные на углу цветы —
Это чувство праздника, это вместе оба мы,
Самые счастливые — это я и ты!

СНЕГУРОЧКА

Снег на речницах, на пушистой шапочке,
Снегурочка, я даже петь готов,
Согрею я твои ладошки-лапочки,
Озябшие от зимних холодов.

Ты в этот зимний парк пришла с подарками,
Своей неповторимостью маня,
Сияешь ты любви глазами яркими
И счастлив я, что это для меня.

И пусть в аллеях снег лежит сугробами,
Твое я сердце лаской растоплю,
И будем тем согреты жаром оба мы,
С которым я восторженно люблю.

Я вовсе не хочу, чтоб ты растаяла,
Исчезла легкой дымкой в вышине,
Хочу, чтоб жизнь все по местам расставила,
И ты навек принадлежала мне.

НА ТОМ СТОЮ

Пройдя крещение голодом и холодом,
Хлебнув воды в избытке и огня,
Я чувствую, что сердце бьется молодо,
Что старость не касается меня.

Что дурости во мне еще наверчено
И бес не в ребрах, а во всех местах,
Что милая еще волнует женщина,
Причем не только в мыслях и мечтах.

Еще я не умею долго хмурится,
Когда мне неудача бьет под дых,
Еще под ношей не спешу сутулиться,
Которой бы хватило на троих.

Пусть годы мчатся птицей-колесницею,
От жизни я пока не устаю,
Расцветен быт мой дорогими лицами
И счастлив я — на этом и стою.

БОЖИЙ ДАР

Ну что ж ты, милая, не ехала так долго —
Хозяйничает в рощах листопад,
И в мороси тоскливой и промозглой
Поник наш, чудом уцелевший, сад.

Уже грачи, прощаясь, откричали,
Висят туманы белой кисеей,
А мы с тобою до сих пор в начале
Того, что называется судьбой.

Я все никак к разлукам не привыкну,
Мир мрачен в одиночестве моем,
Но я к тебе, как к роднику, приникну,
Когда мы вновь останемся вдвоем.

И буду пить, как жаждущий в пустыне,
Из губ твоих взаимности нектар,
И нас с тобой вовеки не покинет
Любви неповторимой Божий дар.

БОТИНКИ

Мне купили ботинки — не тапочки и не сандалии —
Настоящая кожа, шикарно простроченный шов,
И мальчишки-соседи от зависти просто страдали,
И шагал я по улице, нет, я летел, а не шел!

В детстве строгом моем было мне, как и всем, не до шика,
Бахрома на штанах не смущала нисколько меня,
Но теперь вот ботинки сверкали, все в солнечных бликах
И казалось, что в жизни не будет счастливее дня.

Я обуви сносил очень много красивой и разной,
И по мерке пошитых, без дыр и заплаток, штанов,
Но та пара ботинок останется самой прекрасной
Из полученных мной или купленных позже обнов.

В ДЕРЕВНЮ

Станция районного значения,
Рельсами блестящие пути,
Снова, после года обучения,
Мне в деревню по лесу идти.

До рассвета, как до заговения,
Можно переждать бы до зари,
Но несет в деревню нетерпение
И мои неполных двадцать три.

Колея меж соснами тележная,
В колее блестящая вода,
Я иду походкою поспешною,
Как ходил со станции всегда.

Вот уж и деревня, окна светятся
Из-под крытых темной дранкой крыш,
Первым мне, конечно, дед мой встретится —
На селе до зорьки не поспишь!

Будет самовар с дымком, оладушки,
Как у нас бывало с давних пор,
Дедово ворчанье, слезы бабушки
И неспешный долгий разговор.

А потом сойдутся братья с сестрами,
Будут теревить да тормошить,
И девчонка с золотыми косами,
Без которой мне уже не жить...

ЧУДНОЕ ТВОРЕНИЕ

Судьбу не перепишешь набело,
От женщины вовеки не открестишься —
Увидеть стоит — заболит ребро
И в организм вторженье померещится.

И вспомнится круженье головы,
И долгая весенняя бессонница,
И яблоко познания, увы,
Еще не раз недобрым словом вспомнится.

Но снова ты таращишься во мгле
В каком-то непонятном нетерпении,
Стараясь разглядеть, как на метле
Летает это чудное творение.

У НАС В ДЕРЕВНЕ

У нас в деревне даже воздух слаще —
Сложи ладони ковшиком и пей,
Здесь даже самый мелкий и ледящий
Талантливей и звонче соловей.

Здесь утро начинается с рассвета,
По солнышку встает — не по часам,
Я вижу это, понимаю это,
Поскольку все прочувствовал и сам...

По всей деревне отбивали косы,
Скотина собиралась у пруда,
И мужики шагали на покосы,
Исполненные важности труда.

Все было и торжественней и проще...
А лишь заката затухал огонь,
Мы собирались, молодые, в роще
И распевали песни под гармонь.

Я и сейчас, когда бывает случай
Мне побывать в моем родном краю,
Беру гармошку, под гармошку лучше
Петь наши песни те, и я пою...

С тех давних пор лет прокатилось много,
Пусть город стал судьбой моей большой,
Друзья мои, вы не судите строго —
Я все же деревенский всей душой.

ДОЖИВЕМ

Вновь между нами завывает вьюга —
Закона равнодушное табу,
А мы с тобой не можем друг без друга
И не умеем изменить судьбу.

Здесь, у меня, нет даже телефона
И голос твой я слышу лишь во сне,
И с каждым утром убивает зона
Все чистое и светлое во мне.

И я шагаю в кирзачах по кругу,
За годом год — проверка да развод,
А мы с тобой не можем друг без друга
Который год уже, который год.

Пишу письмо, и горечь в каждом слове,
Да жаркой кровью нежность между строк,
Но ты не плачь, ты береги здоровье —
Когда-нибудь окончится мой срок.

Ворвусь к тебе, измученный и шалый,
И сброшу ненавистное тряпье,
И припаду к твоим ногам устало,
Единственное солнышко мое.

Пусть будет выть и бесноваться вьюга,
Пусть снег влетит за мной в дверной проем,
Я выдохну, — я вырвался из круга,
Я верил — мы до встречи доживем.

СЧАСТЬЕ

Какое это счастье — тосковать
По взгляду твоему, походке, речи,
С мечтой одной ложиться и вставать
О новой, может быть, нескорой встрече.

Кто не любил, вовеки не поймет,
Какая это сладостная мука —
Страдает сердце, а душа поет:
Еще чуть-чуть и кончится разлука.

Еще чуть-чуть: неделя, сутки, час...
(Бездушно время катится по кругу)
И, словно вихрем, вдруг бросает нас
В объятия, исстрадавшихся, друг другу.

И что — страданья, что мне бред ночной,
В сравненье с этою неудержимой страстью —
Ведь в этот вечер ты опять со мной,
Моя мечта, любовь моя и счастье!

ЖИВЫЕ СТИХИ

Стихи, они живые, даже дрожь
Охватит вдруг от перевозбужденья,
И ты не просто пишешь, ты живешь
В каком-то непонятном наважденье.

С тобою рядом скрипы, голоса
И времена не нынешние года,
И замирают стрелки на часах,
И за окном меняется погода.

Я и зимой могу бродить в лесу
И слушать одинокую кукушку,
Могу с лукошком выйти на опушку,
И вот — уже в нем ягоды несу

И сладкий ощущаю аромат...
А вдруг шагаю по листве осенней,
Вот выхожу в цветущий майский сад,
А вот в душистом просыпаюсь сене.

И все — стихи! Они звучат везде —
И в голосах спешащих электричек,
И в плещущейся в берегах воде,
И в теньканье резвящихся синичек.

Пусть будет в окна ветерок сквозить,
Морозный или, по-апрельски, сладкий...
Как счастлив я все это отразить
В моей обычной, в клеточку, тетрадке.

НА РАСПУТЬЕ

Молчать — не в силах, говорить — никак,
Что с нами стало в этой долгой смуте —
Любовь осталась только лишь в стихах,
И та стоит, как рыцарь на распутье,

Куда пойти, где отыскать сердца,
Готовые, не опуская взгляда,
За доброту сражаться до конца
И за любовь погибнуть, если надо.

Не ту «любовь», которой грош цена,
Что покупается и тут же продается,
А ту, что внешне часто не видна,
Но что жива, покуда сердце бьется.

А в городах, поселках, хуторах,
Откуда жизнь должна бы брать начало,
В бездушных толпах поселился страх,
Божественная радость измельчала.

Но верю я, что возродится вновь,
Способная возвысить, приумножить
Людское счастье вечная любовь
И засиять во всей красе... быть может...

ПОГРУЖАЮСЬ В ГОДЫ...

Погружаюсь в годы, как в болото —
Вот еще один прошел годок,
Тяжелее движется работа,
Опыт, да и тот, идет не впрок.

От рожденья время изначально
Двигается — все убыстряя бег,
Вот приметы осени — печально,
Но еще печальней — первый снег.

Замечаю — тронуты морозом
Пряди поредевшие волос,
Вот уже и засыпаю поздно,
Вот — седой щетиною оброс.

Как-то это все не так творится,
Как-то перспективы не ясны...
Может быть, попробовать влюбиться
И дыханье ощутить весны.

Пусть друзья смеются и судачат —
Бес — в ребро, мол, седина — в виски,
Это, впрочем, ничего не значит,
Если нет спасенья от тоски.

Так и поступил я, и не каюсь,
Жизнь красивой стала наяву,
Я хожу по улицам, влюбляюсь
И не умираю, а живу!

У ОБЕЛИСКА

Поклонились, молча постояли,
Положили скромные цветы,
У обоих на груди медали,
Рукава, по одному, пусты.

Выжили, перетерпели горе —
Каково безруким вековать!
Но приходят к обелиску в поле,
Чтоб вот так, склонившись, помолчать.

ПРОБА ПЕРА

Я сочинял стихи — не от умения,
А от души, и был коряв мой слог,
И мне не важно было Ваше мнение,
Мой грамотный и строгий педагог.

Девчонки мне проходу не давали,
Срывали с первых чувств моих покров,
А я писал и понимал едва ли,
Что эти их насмешки разжигали
Во мне к большой поэзии любовь.

НА НОВЫЙ ГОД

На Новый год творятся чудеса,
Случаются нежданные подарки —
Разверзлись над Россией небеса,
И выпал снег на улицы и парки.

И сразу же повеселел народ,
Заполнились дворы галдящим людом —
Бывают чудеса на Новый год,
И этот снег, как раз, такое чудо.

А был декабрь и грязен, и дождлив,
Была мрачна и ветренна природа,
Деревья стыли, ветви опустив —
Слезливое стояло время года.

Но Новый год, как водится, пришел
И хаять я пошедший го не буду,
Возрадуйтесь же, люди — снег пошел,
А это значит — вновь свершилось чудо.

Александр Хадарцев
(г. Тула)

ОПЯТЬ...

Ты говоришь: «Опять метель!»
Я говорю: «Опять дожди!»
Сугробов снежную постель
ты расстилаешь впереди.

Дождем стекаются снега,
вливаясь в океан обид.
Ты мне, как прежде, дорога,
костровый жар — ветрами взбит.

Не стоит яростно в покой
бросаться жизненным комком!
Другая — ты! И я — другой!
А, значит, снова мы — вдвоем.

И, пусть опять метель метет!
И, пусть дожди вовсю стучат!
В неясность — прошлое ведет.
Но это — лучше, чем назад!

ГАННОВЕРСКИЕ ЗАМЕТКИ

Дорога через Мюнхен на Ганновер
проложена в заоблачных высотах.
Везет нас «Бомбардье», а не кроссовер,
моторами хрипя на низких нотах.

Нырря по воздушности провалов,
отряхивая тучи с легких крыльев,
он приземлился грубо и устало,
как будто бы закрылки не открыли.

Уже потом — к Ганноверу дорога,
похожая на нашенские тракты.
На вмятинах судьбы трясло немного,
хоть был шофер без знаков катаракты.

Уютный город. Сонм велосипедов.
Ухоженные улицы. Бульвары.
Трамвайчики для бабушек и дедов,
ну и для тех, которые не стары.

Гостиница на три звезды, но «Плаза».
Повсюду магазины, галереи,
шипят колбаски, их съедаешь сразу,
затраченные «евро» не жалея.

Подумаешь, два «евро» за колбаску,
не восемьдесят рубликов за штуку!
Ведь правда, не похожая на сказку,
горька, но так похожа на науку!

Там хорошо, где мы не побывали!
Где побывали — там не так чудесно!
И все-таки ненашенские дали
узнать, и просто видеть — интересно!

* * *

Мужчина пожилой. Одет прилично.
Подходит к мусорному ящику... И, вдруг,
в нем начинает рыться безразлично,
как будто все повымерли вокруг.
Быть может, он вопрос решает личный,
спасательный ища по жизни круг?
Возня в отбросах, пусть не эстетична,
пускай похожа чем то на недуг,
она — не портит аппетит отличный.

Ганновер, как Москва, богатым друг,
ему с «бомжом» возиться — не привычно!
И коли свет для личности потух,
то это, хоть жестоко, но обычно.
При этом — нет полиции, дубинок,
презрительных от самомнения рож,
да и зевак обычных — не найдешь.
Европа — это всеобъемный рынок,
где все — товар: старье и молодежь!
Как и в России, люмпенов полно,
но инвалидам — все разрешено.
На транспорте и на большой дороге
на пандусы разменяны пороги.
То, что печатью было скреплено,
не как у нас — исполнено в итоге!

...IST DAS ENDE?

В «Конгресс-холле», в Ганновере — шабаш врачей
под названием простым: Euromedica.
Пара стиснутых днями бессонных ночей
в долгожданности встреч и достойных речей.
Это — легкая мыслью атлетика!

Зря пропишут врачи эфедрин, атровент,
потому что дыхание — сдавлено.
Под картиной — судьбою расчерченный тренд:
“...ist das Ende” — конец! И “das Ende der Welt”.
Вроде сеть на надежду расставлена.

Черно-белый абрис мирового конца —
это высшее предупреждение!
Чтоб никто, ни за что — не терял бы лица,
в хитросложности слов распознав мудреца
иль соблазнов пустых наваждение!

Хорошо, что придуман сегодняшний бал
вместе с дождиком сбрызнутой — нежностью!
Десять лет — юбилей! Он сегодня настал —
европейский (для русских людей) пьедестал —
сотней лет — пусть грядет с неизбежностью!

* * *

А я приехал из Ганновера,
вот только что по трапу слез.
Покинув современье номера —
уйти хочу в российский лес!

Пусть без котлет и без хмелистости,
и без охоты на опят,
а просто, быть в зеленолиственности,
бежать куда глаза глядят!

Хилять за Хилем так не хочется!
Но время вспять — не повернуть!
Туманом мечен в завтра путь,
но сердце пусть не обесточится!

Реальны — нынешние дни,
где мы, по счастью, не одни!

* * *

Плюя на беспорядков риски,
неся бесстрашие внутри,
Россия закупает виски,
штурмуя полки «Дьюти фри».

Ее стихией революций
не испугать, не удивить!
Ее хребет не может гнуться,
она в хмелю привыкла жить!

* * *

Есть величие прошлых побед!
Правда, беды с победами — рядом!
Поздравленья за давностью лет
громяхают привычным парадом.

А работа — она не видна.
Мы закрыли собой амбразуры.
Продолжается наша война —
та, в которой и пешки — фигуры!

А. Н.

В баскетбольности стен,
во врачебных дерзаньях.
Шесть десятков плюс семь,
как в былинных сказаньях!
За десятками лет —
ворох дерзких свершений,
свет бесспорных побед,
в чем-то спорных решений!

Седина — в бороде,
глаз — по-прежнему меток.
В постоянном труде —
миг спокойствия редок!
Трехочковый бросок
им освоен по жизни.
Окончательный срок
будет при — коммунизме!

Бесконечность пути
седовласому светит!
Значит, можно идти
не спеша по планете.
В трехкорзинной игре —
три кольца обрученья!
Будет в каждом дворе
новый способ леченья!

Питербаскет стучит
в наше чуткое сердце,
подбирает ключи
к пониманию скерцо —

той стремительной шутки,
отражающей время,
где секунды и сутки —
это в будущее стремя.

Жаль, что видим друг друга
мы по скайпу, и только,
верность ближнему кругу
не предав ни насколько!
Пусть все будет в порядке
в каждый миг от рожденья,
ведь на нашей площадке —
нет двойного веденья!

В. Г. Т.

Рождение — это как вспышка сверхновой
звезды, излучающей пекло Вселенной,
которая каждым фотоном готова
быть фугой, сонатою и кантиленой!

В Ганновер из Тулы летят поздравленья
бескрайним эфиром со скоростью света.
Ни годы, ни дни, ни минуты рожденья
забыты не будут в истории этой!

Пусть знаний сиянье осветит потемки,
еще не привыкшие к радостям быта.
Пусть будут счастливыми Ваши потомки,
а дружба меж нами — не ведает сбыта!

* * *

Пока на свете есть котлеты
и бочкой пахнувший коньяк —
нас не страшит прилет кометы,
гром пушек и кинжалов звяк!

Пока есть тосты и сонеты,
шашлык, сациви, винегреты —
космический не страшен мрак!
Страшилки детские — пустяк!

Владимир Резцов
(г. Калининград)

ПЕСНЯ О ГРИШКЕ ОТРЕПЬЕВЕ
(Отрывок из исторической поэмы.
К 400-летию окончания Смутного времени на Руси)

I

Кто мозги не пропил, слышь-ка,
Вспомни, крепче закусив,
То, как вор *Отрепьев Гришка* *
Стал царем всея Руси.

Как веревочке ни виться,
А конец всегда один.
Рассуди, коль не тупица,
Чем закончил сукин сын.

Чуден путь у скользкой мрази,
Знаков, что ни говори:
Попервой — из грязи в князи,
А потом уже в цари;

Дале — в шутовской личине
Чудо-юдо экспонат,
А царя уж нет в помине;
После — пушечный заряд **.

...В Польшу он через заставы
Крался нищим втихаря.
Там назвался, черт лукавый,
Сыном Грозного царя.

Дескать, вот он я, панове,
Жив, да только сир и гол.
Поможите царской крови
Возвернуть себе престол!

* Григорий Отрепьев (ок. 1581 — 17 мая 1606), самозванец, выдававший себя за сына Ивана Грозного Дмитрия, ставленник Польши. Венчался на царство 30 июля (9 августа) 1605 г. под именем Царя Всея Руси Дмитрия Иоанновича. Известен в истории как Лжедмитрий I.

** 17 мая 1606 г. Лжедмитрий I был свергнут с престола и убит. Обнаженный труп самозванца несколько дней был выставлен напоказ в карнавальной маске и с дудкой во рту, потом доставлен в село Котлы (к югу от Москвы), где его сожгли, пеплом зарядили пушку и выстрелили на запад — туда, откуда пришел.

Коли в том помочь готовы,
Щедро отблагодарю.
В бой! И горе Годунову,
Нехорошему царю!..

Вор пришел с заморской ратью,
Сверг законного царя.
Католические братья
Саранчой за ним не зря.

Мастерами торовата,
Путь открытый на Восток,
Русь — обильна и богата.
Экий лакомый кусок!

На него, такой завидный,
Раскатали нос давно,
Да отправить в глотку, видно,
Богом не было дано.

Охоробрил Бог изрядно
Православных христиан,
И врагам Руси нещадно
Окорот доселе дан.

Ярославич * спесь им сбавил
На Неве и Чудском льду,
И праправнук ** меч прославил
В достопамятном году.

Правнук Дмитрия Донского ***
Сбросил ханское ярмо,
И нашествия большого
Не видала Русь давно.

Не забудет край наш русский
Крымских недругов навал,
Как *Андрей*, бесстрашный *Курбский* ****,
Их от тульских стен гонял.

* *Александр Ярославич Невский* (1220 — 1263), князь переяславль-залесский, затем новгородский, впоследствии Великий Князь Владимирский. 15 июля 1240 г. разбил на р. Неве шведских захватчиков (за что получил свое прозвище), а 5 апреля 1242 г. — войско немецких рыцарей ордена меченосцев на льду Чудского озера. Причислен к лику святых.

** *Дмитрий Иванович Донской* (1350 — 1389), Великий Князь Московский, праправнук Александра Невского. Разбил монголо-татар сначала на р. Воже (1378 г.), а затем 8 сентября 1380 г. в кровопролитной Куликовской битве, подорвавшей основы ордынского ига. Причислен к лику святых.

*** *Иван III Васильевич* (1440 — 1505), Великий Князь Московский. Окончательно освободил Русь от монголо-татарского ига в 1480 г.

**** *Андрей Михайлович Курбский* (ок. 1528 — 1583), удельный князь ярославский, полководец. В 1552 г. вместе с князем Петром Михайловичем Щенятевым во главе конного войска пришел на помощь Туле, отбросил осаждавшую город 150-тысячную орду крымских татар, часть ее настиг у р. Шиворонь и полностью истребил. Будучи раненым, из боя не вышел. 2 октября того же года стал героем взятия Казани. В 1557—1558 гг. тульский воевода. Участник Ливонской войны. Впоследствии бежал в Литву, опасаясь за свою жизнь в связи с репрессиями, развязанными Иваном Грозным.

Сколь их тут перебивало,
Алчных татей, злобных орд?
Русь сражалась и крепчала,
И крепчал ее Народ.

Нам бы в нашем государстве
В счастье жить до этих пор,
Да *подгнило что-то* в царстве,
И на трон уселся вор.

Он, не медля ни секунду,
Клятву ляхам дал: «Берусь,
Обещаюсь *Сигизмунду**
Католичкой сделать Русь**.

Вместо «Отче наш» *схизматы****
Запоют “*Magnificat*”****,
И червонные дукаты
Ливнем хлынут на закат.

Как на Мнишковой девице
Хочет Рим царя женить,
Католической царице
На Руси отныне быть.

Счастлив царь любовным пленом,
И ответ его таков:
За невесту добрым *веном******
Станут Новгород и Псков.

Быть им в *Речи Посполитой******
Верноподданными впредь,
Ей служить трудом и битвой,
Знать как милость, так и плеть.

Польской доблестной короне,
Чтоб придать ей большой блеск,

* *Сигизмунд III Ваза (1566—1632)* — польский король и Великий Князь Литовский с 27 декабря 1587 года, король шведский с 27 ноября 1592 по июль 1599 года.

** Лжедмитрий I тайно принял католичество и обещал после воцарения отдать Польше Северскую и Смоленскую земли, участвовать в антитурецком союзе, оказать помощь Сигизмунду III в его борьбе со Швецией, ввести в России католичество, жениться на дочери сандомирского воеводы Юрия Мнишка Марине, передать ей в качестве «вены» Новгород и Псков и уплатить Мнишку 1 миллион злотых.

*** *Схизматы* — так польские католики презрительно называли православных христиан.

**** “*Magnificat*” («*Магнификат*») (по первому слову первого стиха “*Magnificat anima mea Dominum*” — «Величит душа Моя Господа») — славословие Девы Марии из Евангелия от Луки (Лк. 1: 46—55) в латинском переводе.

***** *Вено* — выкуп, который в Древней Руси и некоторых европейских государствах периода средневековья выплачивался женихом за невесту.

***** *Речь Посполитая* (польск. *Rzecz Pospolita* — дословный перевод латинского слова *respublica*, т.е. «общественное» дело) — федерация Королевства Польского и Великого Княжества Литовского, возникшая в результате Люблинской унии в 1569 г. и ликвидированная в 1795 г. с разделом государства между Россией, Пруссией и Австрией.

Дарим Мы алмаз в поклоне —
Бывший русский град Смоленск.

Благодарные премного,
Польше-матке бьем челом:
Каб не польская подмога,
Не бывать бы Нам царем.

И за то служанкой черной
Станет Русь в вассалах жить
И безропотной, покорной
Паньству польскому служить.

Просвещенная Европа!
За поддержку получай
В рабство русского холопа,
На поживу — русский край!

Помолясь в костеле богу,
Править станем Мы людьми
И мостить в Стамбул дорогу
Польше русскими костями.

Тако будем жить, покуда
Носим Мы державный чин!» —
Клялся ляхам царь-иуда —
Гришка *Одихмантьев сын* *!

А бояре, в бок им спицы,
Рады вору угождать
И куски родной землицы
Друг у дружки с мясом рвать.

Что им Родина-Отчизна?
Им барыш — отец родной.
Остальное — дешевизна,
И Отчизна — звук пустой.

...Царь на свадьбе веселится;
Словно истинный поляк,
Пляшет с полькою-царицей
Поганез да *кряковяк*.

Блещет Двор нерусским блеском,
Да у нас иная статья,
И умишком европейским
Нашу душу не понять!

* *Одихмантьев сын* — так именовался Соловей-разбойник в русской народной былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник».

«Не дадимся вам, собакам!
Не пойдем под чужаков!» —
Так ответили полякам
Славный Новгород и Псков.

И смоляне, страх забывши,
Не пустили чужака:
«Наш Смоленск отнюдь не бывший, —
Русский он на все века!»

Всей душой неистребимой
Пел Народ в своем кругу:
«На родной Руси, любимой,
Не бывать у нас врагу!»

Живы Невского заветы:
«Кто с мечом, того — мечом!»
Лютый враг! Запомни это!
Ты узнаешь что почему!

...Стон и плач по всей столице.
Зло пришло под каждый кров.
Над Москвою враг глумится
Зверством панских гайдуков.

Бьют мужей, а жен бесчестят,
Деток малых не щадят,
Грабят нищих, жгут предместья,
В небо, пьяные, палят:

«Что нам этот царь? Едва ли
Устрашит нас царский гнев:
Мы его на трон сажали,
Свиньи русские! *Пся крев!**»

Много предки потерпели
Злодеяний страшных ад,
Но на свадебной неделе
Грянул праведный набат.

.....

* *Пся крев!* (Psia krew!) — польское ругательство, дословно: «собачья кровь».

Игорь Мельников
(г. Тула)

РЕБЕНОК

Игорь Мельников родился 1 января 1981 г. в Туле. Работает фельдшером-лаборантом в Детской областной клинической больнице. Студент Брянского государственного университета им. Петровского. В 2005 году окончил МГГУ им. Шолохова. Дипломант городского литературного турнира «Венок Пушкину» (1999 г.). Участник областного музейно-литературного объединения «Муза» при Доме-музее В. В. Вересаева (г. Тула). В составе «Музы» регулярно выступает на площадках Москвы, Тулы и Тульской области. Автор сборника стихотворений «От и до». Имеет публикации в журналах: «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Русский писатель» (Санкт-Петербург), «Студенческий меридиан» (Москва), а также, альманахе «Иван-Озеро» (Тула).

РЕБЕНОК

Не хватило ребенку ласки.
Недодали любви ребенку.
Лишь читали из книжек сказки,
Да стирали ему пеленки.

В детский сад по утрам водили,
Поясняя: «Сыночек — надо!».
Так-то сказка и стала былью!
Так вот рай — обернулся адом,

А иллюзии тяжким бредом...
Отбывая повинность в школе,
Он с игрушками вел беседы
И как будто был всем доволен.

...Может, даже он зла не вспомнит,
Но обиду забудет вряд ли.
Ведь в стакане — тоска не тонет.
Впрочем, кто же в тоске догадлив?

И надует ребенок губы,
И захочет вина напиток:
«Бабы — дуры, коллеги — грубы».
А ребенку — давно за тридцать.

* * *

Душа в заплатках.
 Мерин сивый.
Чего желать? О чем жалеть?
Ты требовал долива пива,
А нужно было протрезветь.

Поверил ты, когда сказали,
Что будет вольно и хмельно.
Теперь залечивай печали,
Пока еще не все равно.

Те, что народ зовут к свободе,
Затем последнее возьмут.
Свобода, братец, бродит в поле
И не наденешь ей хомут.

Вокруг бурьян растет с размахом.
Комбайн последний заржавел.
И допевает песню птаха,
Ту, что народ когда-то пел.

ДУЭЛЬ

Сорока в снег зарыла хлеб —
Так в память прячутся слова.
Под снегом линии судеб
И прошлогодняя трава,

Поля, которым края нет.
А на снегу равнины сей,
Глубокий оставляют след
Полозья пушкинских саней.

Поэт спешит на смертный бой,
Как будто жизнь не дорога.
Другой бы плюнул и домой,
К теплу родного очага.

Ледышка солнца смотрит вниз
И хлопья сыплются с ветвей...
Другой нашел бы компромисс.
Порою, может быть, верней

Сбежать! Но Пушкин так не смог.
Ведь полагается врагу
Держать ответ. Нажат курок.
...Алеет не вишневый сок —
То кровь России на снегу.

НЕ ВРЕМЯ СПАТЬ!

В моей стране, где небо синее,
Где сеют те, кому не жать,
Где самый главный грех — уныние,
И нам его не избежать;

Где гений ты среди ровесников,
На каплю будучи умней,
Где грач, подобно буревестнику,
Кружит над суетностью дней;

Где утро зябкое, тревожное —
Стучится дождиком в окно,
Где мы отбрасываем ложное,
А правда — брошена давно;

Где нас поставят на довольствие,
Чтобы под пули подставлять.
...Живым проснуться — удовольствие.
Хотя, сейчас не время спать!

ОДИНОЧЕСТВО

Зимней ночью, в сельской хате,
Сном мятежным не уснуть.
Поворочался и хватит.
Почитай чего-нибудь.

Тишина тоску тачает.
Мерно тикают часы.
Почитаешь, выпьешь чаю,
Бросишь кошке колбасы.

Покурить пойдешь наружу,
Взявши с вешалки пальто.
Крикнешь: «Эй! Кому я нужен?»
Не откликнется никто.

На морозном небосводе
Тучи ветхое тряпье.
А в полях унылых бродит
Одиночество твое.

* * *

Наступила эрзац-весна.
(Пейте воду с ее лица!)
Аки плод загнила страна.
Запаршивела, как овца.

И такую ее люблю.
И такая она — моя.
За нее небеса молю,
И о ней беспокоюсь я.

Одурманен ее народ.
От вины перешел к вину.
Тянет ляжку из года в год,
Да не сдвинет никак страну.

Я по лужам хожу-брожу,
Все разумный ищущу ответ.
А еще — оптимизм бужу.
Но вокруг только сны и
бред.

* * *

Здесь все эфемерно и все беспонтово.
Бредовых стремлений несносную кладь
Ты бросишь, но жизнь начинается снова.
И ты этот бред собираешь опять.

С врагами союз, с сотрапезником стычка.
На что не решишься, когда на кону
Халва похвалы и признания лычки.
У нас не вменяется это в вину.

Но позже, когда ты достигнешь предела,
Подумай, об этом ли ты помышлял?
Упорно трудился и многое сделал,
Но правду с гордыней всегда рифмовал.

Вера Абакумова*
(г. Тула)

ИРИНА

ИРИНА

*Памяти моей матери.
Ирина — мир (греч.)*

Когда войны обрушилась лавина
И враг родные города бомбил,
Девчонке с мирным именем Ирина
Пришла повестка на отправку в тыл.

Стучал на стыках в ночь ползущий поезд,
В который ей война дала билет.
И раскололась жизнь на «до» и «после»,
В ней «до» всего лишь было двадцать лет...

Поджала ногу в тесноте девчонка:
Терпеть пришлось ей, чтоб не разбудить
Грудного рядом спящего ребенка —
Нельзя ей было ногу опустить...

И тот вагон с чужим ребенком спящим
Девчонке долго помнился потом.
Все это было страшным настоящим
Войны, к ней повернувшейся, лицом.

В тылу, готовя силы к наступлению,
Страна своих защитников ждала.
В дивизию прибыв для пополнения,
Девчонка путь на запад начала.

Кровавые военные дороги,
Бомбежки, переправы, медсанбат...
О туфельках давно забыли ноги —
Девчонка, как и все, была солдат.

* Наш постоянный автор.

Но прорастая каждою весною
Травой новой, жизнь брала свое.
Была девчонка очень молодою:
Любовь настигла первая ее.

Дарила встречи страшная година,
Поймав минуты редкой тишины.
Девчонке с мирным именем Ирина
Досталась доля счастья в дни войны.

Калеча судьбы, жизни отнимая,
Война катилась адским колесом...
Кто — грешник, кто — святой, не понимая,
Молва людская судит обо всем.

Легко мы верим, голову теряя,
Словам, что всем любимым говорят.
Девчонка тоже верила, не зная,
Что был любимый до войны женат...

Когда бои пересекли границу,
Девчонку поезд увозил домой.
Перевернул последнюю страницу
Ее роман военно-полевой...

Прогнав врага до самого Берлина,
Закончилась проклятая война...
Девчонка с мирным именем Ирина
Потом растила доченьку одна...

СВЯТЫЕ ИМЕНА

Вот и сентябрь — Рождество Богородицы
И чередой именинницы вновь:
В русой косе будто прядями сходятся
Софьюшка, Вера, Надежда, Любовь.

Бабьего лета деньки убавляются,
Солнце скупее, но ярче Луна.
Девочкам всем, кто в ту пору рождается,
Эти святые дают имена.

Софья, как Мать, нам ошибки прощает,
Вера нам духом упасть не дает,
В небе звездой Надежда сияет,
Ну, а Любовь в чистом сердце живет.

Будто стоп-кадром из жизни мне виделся
Незабываемый мамин рассказ:

Жарким по-летнему, солнечным выдался
День, когда я у нее родилась.

Мама рожает, война завершается,
Год високосный, конец сентября...
Мама, спасибо, что жизнь продолжается:
Верой меня назвала ты не зря.

Снова сентябрь — Рождество Богородицы
И чередой именинницы вновь:
В косу опять будто прядями сходятся
Софьюшка, Вера, Надежда, Любовь.

